

К. М. СТАНЮКОВИЧ

ИЗВЫЧНЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

К.М.Станюкович. Избранные произведения. В 2-х т. Том 2 //Издательство
«Художественной литературы», Москва, 1988
FB2: "Ustas ", 2006-07-11, version 1.0
UUID: 5D1C51D3-D64B-44CA-A39B-1E3AAD7EA79A
PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Константин Михайлович Станюкович

«Бесшабашный»

Содержание

I.....	.0005
II.....	.0012
III.....	.0017
IV.....	.0032
V.....	.0035
VI.....	.0040
VII.....	.0044
VIII.....	.0057
IX.....	.0063
X.....	.0074

**Константин Михайлович
Станюкович
«Бесшабашный»
Из современных нравов**

— А почему, позвольте вас спросить, я должен стесняться? Ради чьих прекрасных глаз?

— Но известные принципы... правила...

— А если у меня нет никаких?

— Как никаких?

— Да так, никаких-с. Мой принцип: беспринципность.

— А боязнь общественного мнения? Страх перед тем, что скажут?

В ответ на эти слова мой сосед за обедом в честь одного почтенного юбиляра, бесслезно и безропотно просидевшего на одном и том же кресле двадцать пять лет, — молодой человек того солидного и трезвенного вида, каким отличаются нынешние молодые люди, выстриженный по-модному, под гребенку, с бородкой *a la Henri IV* [1], в изящном фраке, румяный от избытка здоровья и выпитого вина, — взглянул на меня, щуря свои серые, слегка осоловелые, наглые глаза, словно на человека, только что вырвавшегося из больницы «Всех скорбящих», с одиннадцатой вер-

СТЫ.

— Вы из... из какой неведомой Аркадии изволили приехать? — насмешливо сказал он.

Он подлил в стакан кло-де-вужо, отпил не спеша несколько глотков с серьезностью человека, знающего толк в хорошем вине, и продолжал слегка докторальным тоном своего мягкого и нежного баритона:

— Я, милостивый государь мой, боюсь только своего патрона. Одного его боюсь и никого больше!.. Вы знаете Проходимцева? Нет? Вон, наискосок сидит, рядом с худощавым седым стариком и, верно, заговаривает ему зубы, такой приземистый и широкоплечий пожилой господин, с пронизывающими маленькими глазками, лысый, в очках... Видите?

— Вижу.

— Ну, вот это и есть мой патрон. Слышали, конечно, о нем?

— Слышал...

— Это замечательный человек. Был когда-то приходским учителем в каком-то захолустье, а теперь председатель трех правлений, учредитель многих предприятий, обще-

ственный деятель, меценат, филантроп и ко всему этому, разумеется, продувная бестия, стоящая, выражаясь языком янки, двух миллионов. Нынче он сыт и потому позволяет себе роскошь быть честным человеком и преследовать злоупотребления. Он больше уже не получает промесс, не рвет процентов с заказов, не пишет дутых отчетов, не устраивает общих собраний с подставными акционерами и не играет на бирже. Он проповедует теперь экономию и воздержание; как бывший искусный вор, отлично ловит неискusstных воров, пишет записки о народном благосостоянии, называет себя патриотом восемьдесят четвертой пробы и по воскресеньям ездит в Лавру помолиться о своих грехах...

— Однако ваш патрон...

— Весьма большая умница! — с авторитетом и видимым сочувствием произнес молодой человек. — *Un homme a tout faire...* [2] Знает где раки зимуют и умеет влезть куда угодно. Голова золотая.

— Отчего же вы его боитесь?

— Наивный вопрос! Причина простая: Проходимцев может выгнать меня из своего

правления, как только придет ему в голову эта глупая фантазия...

— Но такая фантазия не приходит?

— Положим, Проходимцев ко мне благово-лит и даже верит... На всякого мудреца до-вольно простоты... верит в мою преданность, как я верю в свои шесть тысяч жалованья и две ежегодной награды. Положим, я работаю много: сижу целый день в правлении и по ве-черам правлю литературные произведения Проходимцева... Он говорит не хуже Гамбет-ты, а пишет, как сапожник. Но ведь и его мо-жет укусить муха? Могут ему ловко шепнуть через даму его сердца, что я недостаточно усердно мечусь в своей канцелярии и недо-статочно проникнут его идеями... А он любит проникновение... Ведь могут?

— Ну, допустим, что могут...

— И тогда ваш покорный слуга на тротуа-ре. Ищи другого места, ищи нового принци-пала! Вот я и боюсь Проходимцева и вполне проникаюсь его идеями... А общественное мнение? — усмехнувшись, протянул молодой человек. — Какое мне до него дело? Что мне Гекуба, и что я Гекубе? Кто из мало-мальски

неглухих людей боится его? Возьмите хоть Проходимцева! Разве его, нажившего два миллиона без вмешательства прокурорского надзора, общественное мнение преследует? Разве от него отворачиваются? Напротив! Его везде принимают с большим почетом. Он свой в обществе и выдает дочь за испанского гранда... У него бывают, в нем ищут, его просят о местах. Его портрет с биографией помещается в «Ниве», и газеты не иначе упоминают его имя, как предпослав: «Наш известный железнодорожный деятель и истинно русский человек». Все знают, что его два миллиона не с неба упали, все помнят, как трепали, лет пятнадцать тому назад, его имя в газетах, и все тем не менее ласкают его, втайне завидуя ему, как умному человеку, который, так сказать, из ничтожества сделался тузом, избегнув бубнового туза на спину, и обеспечил себя и своих близких. Все это старо, как божий мир, и известно, как таблица умножения... А вы: боязнь общественного мнения! Какое такое общественное мнение? Кого оно удерживает? Вон, взгляните на того толстяка с отвислой губой и с оголенным черепом, по-

хожего на раскормленного борова, со звездой Льва и Солнца... Это крупный землевладелец в одной из южных губерний. Все знают, что сын его, юноша, застрелился, ужаснувшись действий отца... Конечно, психопат был... а дочь убежала... А посмотрите, как любезно все с ним говорят... И он, как видите, совсем не похож на кающегося... Посмотрели бы вы, какие он фестивали задает, приезжая по зимам в Петербург... Обеды — восторг.

— Вы бываете у него?..

— Бываю. Отчего ж не бывать? У него все бывают. А вон... на том конце стола... красивый молодой человек, такой здоровый и сильный, покручивающий усы... Разве его тоже преследуют, — продолжал мой собеседник, становившийся все более и более словоохотливым к концу обеда, после нескольких бутылок вина, — разве преследуют его за то, что он за приличный гонорар состоит в артирах? Его, не без некоторого основания, оправдывают отсутствием средств и необходимостью сделать карьеру при помощи чужой бабушки, если своей нет... Да и по правде сказать, если отрешиться от предрассудков, про-

фессия как и всякая другая!.. Кому же, скажите на милость, мешает ваше так называемое общественное мнение? Кто только не плюет на него? — с циничным, откровенным смехом добавил молодой человек.

Кстати, надо его представить читателю. Рекомендую: кандидат прав и естественных наук Николай Николаевич Щетинников. От роду двадцать восемь лет, но его серьезный и строгий вид заставляет ему давать больше. Сын небогатых и почтенных родителей, из захудалого дворянского рода, обожавших своего первенца и выбивавшихся из сил, чтоб дать ему образование и поставить на ноги. С отроческих лет подавал надежды, что не пропадет, и в гимназии слыл под прозвищем «бесовестного» за отвагу, с какою он разрешал разные этические вопросы. Учился отлично и, поступив в университет, окончил два факультета. Родителей почитал, получая ежемесячно по пятидесяти рублей, но считал отца порядочным дураком за то, что он, бывши одно время на хорошем месте, не сумел воспользоваться случаем и пребывал в бедности, а мать считал дурой за то, что потакала отцу в его, давно потерявших смысл, идеях. Еще в университете, слыша про чужие успехи, выработал теорию полной свободы личности де-

дать то, к чему влекут желанья, не стесняясь средствами, и эту теорию успешно оправдывал историческими примерами и ссылался на Шопенгауэра и Гартмана, которых изучал с удовольствием. В эту же пору он усвоил себе докторальный самоуверенный и несколько наглый тон и щеголял откровенностью мнений. Он говорил, что у молодого поколения и иные изгибы мозговых линий (эту чепуху он, впрочем, вычитал в каком-то журнале), и особого устройства нервная система, и более чувствительная организация, в особенности желудка и кишечника, и следовательно, и иные задачи, чем у старого поколения. Надо принимать жизнь как она есть и не стесняться предрассудками и разными, по счастью, забывающимися словами. Бери от жизни всякий, что может, и думай лишь о себе. Успех оправдывает решительно все.

Все это он не без гордости называл «новым словом».

Надо сказать правду, это «новое слово», подкрепленное немножко философией, немножко историей, немножко естествознанием, немножко статьями распространенных

газет и даже стихотворениями некоторых молодых поэтов, — хотя и всецело заимствованное у щедринаского Дерунова, имело благодаря оскудению мысли и глухому времени успех среди некоторых товарищей, хотя их и шокировала, так сказать, оголенность этого нового слова. Молодость все-таки брала свое даже и у «молодых стариков», выраставших в неблагоприятных условиях. Но Щетинников именно хвастал этой самой наготой, называя ее доблестью независимого мнения. Внимательное наблюдение над жизнью еще более укрепляло его теорию и дало санкцию его возделениям, и он вышел из университета вполне готовый для практической деятельности, лозунг которой: «Прочь предрассудки, и да здравствует бесшабашность!»

По окончании курса Щетинников мало-помалу прекратил переписку с родителями. Не было никакого расчета, ибо они, по недостатку средств, не могли ему больше помогать. Кроме того, отец надоедал ему разными вопросами о душевном его настроении и о планах будущей деятельности, — вопросами, которые представлялись молодому человеку со-

всем наивными, чтоб не сказать глупыми. А мать, кроме того, требовала длинных писем. Ему было не до писем. Он искал места.

Сперва он хотел было поступить в судебное ведомство, рассчитывая со временем быть отличным товарищем прокурора. На этом месте можно было, по его мнению, показать себя какой-нибудь пикантной обвинительной речью или лукавой прозорливостью в уловлении неосторожных сограждан, — недаром же у господина Щетинникова был такой мягкий, такой вкрадчивый баритон. Но, на великое счастье будущих клиентов будущего прокурора, судьба столкнула Щетинникова с Проходимцевым. Они познакомились, и молодой человек пришел в восторг от этого умного и превосходно говорящего дельца. В свою очередь и Щетинников понравился Проходимцеву. Он словно узнал в молодом человеке самого себя в молодости, с тою же отвагой и с тою же бесшабашной беззастенчивостью, но в улучшенном издании, дополненном образованием и научным обоснованием бесстыдства. И была еще разница: Проходимцев рассуждал и действовал исключи-

тельно как художник, не ведая дебрей науки, а только чутьем угадывая, где что плохо лежит, а Щетинников — как трезвый мыслитель, по наперед составленному плану, без страха и сомнений.

Судьба Щетинникова была вскоре решена. Он поступил на службу к Проходимцеву и с тех пор служит у него. Он — член правления и управляющий делами Проходимцева. Кроме того, он секретарь дамского благотворительного кружка, член Общества мореходства и торговли и надеется, что звезда его поднимется высоко. У него на черный день уж есть десять тысяч. Он холост, выжидает богатой невесты и широкого поприща.

Щетинников положил на тарелку спаржи и принялся есть, запивая вином. Под шум многочисленных тостов в честь почтенного юбиляра, просидевшего двадцать пять лет на одном и том же кресле и ни разу даже не воспользовавшегося отпуском, несмотря на гнетущую боль в пояснице и вообще расстроенное здоровье — такова была любовь его к служебным обязанностям (обо всем этом, конечно, упомянули ораторы!), — Щетинников снова вернулся к прерванному разговору.

Несколько возбужденный после пяти бокалов шампанского и еще наглее щуря свои глаза, он сказал:

— Уж не называете ли вы общественным мнением газетную болтовню, — это ежедневное переливание из пустого в порожнее с более или менее пикантными *faits divers* [3], скандальчиками и, подчас, игривыми фельетонами да руганью между собою журналистов? Не этой ли выразительницы общественного мнения прикажете бояться? Ха-ха-ха! Ко-

го пугает отечественная пресса? Какого серьезного человека, понимающего, что он не актер и не певичка, которых можно пробирать на здоровье! Разве еще провинциальную сошку, какого-нибудь мелкого воришку, бездарных артистов, страдающих манией величия, молодых беллетристов да, по временам, самих же газетчиков, когда они вдруг почувствуют себя не на настоящем курсе для... для успеха розничной продажи... Они ведь народ пугливый... эти выразители общественного мнения... и доходами не брезгают!

Щетинников помолчал, погладил свою выхоленную, благоухающую светло-русую бородку и заметил со смехом:

— Меня самого, я вам скажу, года два тому назад две-три газеты удостоили своим вниманием...

— Вас? За что?

— Да, видите ли, на работах при железной дороге в один прекрасный день обвалилась насыпь и... три человека рабочих были задавлены, а пять вытащены увечными... Дураки сами были виноваты. Я тогда имел главное наблюдение за работами. Проходимцев меня

командировал из Петербурга. Ну-с, газеты, разумеется, обрадовались случаю. Не всегда же им представляются случаи, на которых можно разыграть, так сказать, героическую симфонию и в то же время не бояться никаких *largo*... [4] И завопили о том, что ваш покорнейший слуга да еще один техник виноваты и что следует нас по меньшей мере в места не столь отдаленные, благо мы с техником состояли на частной службе, и, следовательно, нас можно было, во имя торжества справедливости, посылать хоть на Сахалин без риска задеть чье-нибудь корпоративное самолюбие. И торжество справедливости, и надлежащий курс! Чего же более желать газетчику? А ведь есть дураки: верят, что это геройство! Ну и что же вы думаете, проиграл я от этой газетной травли? — внезапно обратился он ко мне.

— Не знаю.

— Напротив, даже выиграл в глазах моего патрона Проходимцева. Выиграл и награду получил. А вернувшись в Петербург, я вскоре познакомился с этим самым джентльменом, который посылал меня на Сахалин. Премилый человек... Мы с ним у Кюба завтракали и

до сих пор сохранили приятельские отношения. Смеялся тогда, как узнал, что я тот самый, который и так далее... «Очень, говорит, рад что вы не на Сахалине. А я, говорит, рад был случаю... Как же: три убитых и пять раненых. По крайности, можно было не об Аркадии да Ливадии писать. И без того, говорит, вроде девицы легкого поведения... Строчишь неизвестно о чем и в каком придется тоне. Что, говорит, редактор велит, то и излагай, а редактор, в свою очередь, требует, чтобы было написано и весело, и с маленькой загвоздкой, и обязательно в истинно русском духе. Вот ты и изворачивайся с таким винегретом...» Неглупый малый этот публицист... Еще на днях приходил ко мне за даровыми билетами и жаловался...

— На что?

— Да на тяжесть своего ремесла... Прежде, говорит, хоть «жида» да «чухну» изо дня в день пробирали — всегда, значит, был материал, а теперь вдруг редактор приказал изъять «жида» из повседневного употребления... Просто беда... Не придумаешь, говорит, о чем и писать, чтобы было и весело, и патриотич-

но, и с загвоздкой!.. — передавал Щетинников и при этом хохотал.

— Вы очень заблуждаетесь, воображая, что все журналисты похожи на вашего знакомого.

— Знаю-с. Есть разновидность, которая величает себя честными журналистами, — иронически подчеркнул Щетинников.

— А вы как их величаете?

— Порядочными таки болванами, вот как я их величаю, если вам угодно знать... Людьюми предрассудков, совершенно отставшими от времени...

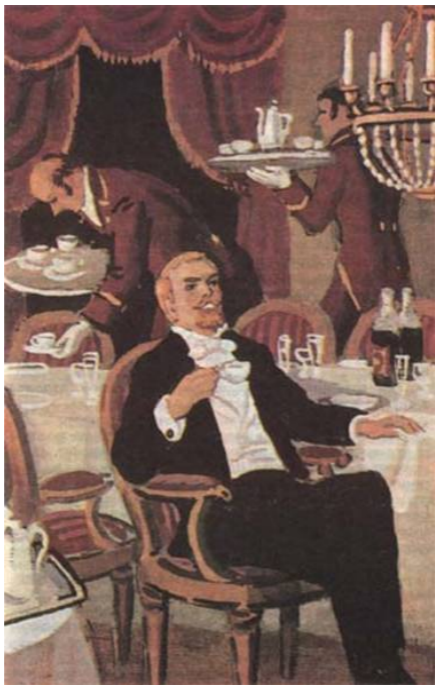
И после минутной паузы воскликнул:

— И после этого вы думаете, что кто-нибудь боится газетной болтовни? Боится газет? Нашли кого бояться! — с презрением прибавил Щетинников и велел подать себе шартрезу.

Тем временем юбиляр, окруженный толпой, перешел в другую комнату, и мы остались одни за столом.

Нам подали кофе. Щетинников закурил сигару.

Эта редкая, даже и в наши дни, откровен-

ность молодого человека, несмотря на возбуждаемое отвращение, заинтересовала меня. Я знал Щетинникова, когда он еще был гимназистом, встречал его — редко, впро-

чем, — во времена его студенчества и, хотя много слышал о нем и об его «новом слове», тем не менее никак не ожидал встретить подобный расцвет открытого и словно бы гордящегося собой бесстыдства.

И, чтобы подразнить его, я заметил:

— Вы хвастаете. Наверное, и вы боитесь и общественного мнения и газет.

— Напрасно так думаете, — отвечал он, пожимая плечами. — Я никогда не хвастаю. Наплевать мне и на общественное мнение и на газеты.

— Так-таки и наплевать?

— Еще бы. Они не остановят меня от всего того, что я лично для себя считаю удобным. По-ни-маете ли, у-до-б-ным! — отчеканил он с самым наглым хладнокровием.

— А совесть, наконец?

— Совесть? — переспросил он и вслед за тем так весело и беззаботно залился своим пьяным смехом, что я, признаться, совсем опешил.

А Щетинников, словно наслаждаясь моим смущением, не спускал с меня глаз и после паузы отхлебнул ликера и, протяжно свист-

нув, продолжал:

— Стара, батюшка, штука... Эка что выдумали, какого жупела!.. Он, может быть, годится для вашего поколения, но не для нас... Совесть?! Это одно из тех глупых слов, которые пора давно сдать в архив на хранение какому-нибудь добродетельному старцу. Ха-ха-ха!.. Пилат, говорят, спрашивал: что есть истина? А я спрошу: что есть совесть?

— Что ж она, по-вашему?

— Отвлеченное понятие, выдуманное для острастки дураков и для утешения посредственности и трусости... Вот что такое совесть, по моему мнению, если вам угодно знать. Наука ее не признает... Она знает мозг, центры, сознание, печень и так далее, а совести не знает... Это один из предрассудков... И многие люди носятся с ним, как уродливые женщины со своей добродетелью, на которую, к сожалению, никто не покушается... И хотели бы обойтись без совести, да не умеют. Никому их совесть не нужна-с... Вы, конечно, изволите знать историю? — неожиданно спросил Щетинников.

— Изволю.

— В таком случае вам должно быть небезызвестно, что от древнейших времен и до наших дней так называемые бессовестные люди всегда имели успех и даже иногда удостоивались памятников от благодарного потомства, как, например, Наполеон Первый. Я на памятник не рассчитываю, нет-с, но рассчитываю на отличную квартиру, на роскошь, на богатство, на положение — словом, на то, что мне нравится, не заботясь о совести, которой не имею чести знать... Ха-ха-ха! Вас, я вижу, удивляют мои положения?

— Не стесняйтесь... продолжайте, продолжайте...

— Я и не стесняюсь, предоставляя вам удивляться на доброе здоровье... Я человек без глупых предрассудков...

— Как же, вижу, совсем без предрассудков...

— И — заметьте — имею доблесть самостоятельного мнения. Само-сто-ятель-ного! — продолжал он, начиная слегка заплетать языком... — Все эти прежние идеалы отжили свой век... Довольно-с! А то — чем пугают людей: совесть!.. И наконец, самая эта совесть

бывает различная. Одного она беспокоит именно за то, за что другой считает себя сосудом добродетели, как изображают эти сосуды в детских книжках... Наполеона Третьего, я полагаю, мучила бы совесть, даже допуская ее, если бы не удалась декабрьская резня, а Проходимцева, например, — если бы он прозевал случай нажать честно и благородно свои миллионы... У животных нет совести, и они — ничего, живут себе, не чувствуя в ней потребности. Этот фетиш поистаскался и перестает, слава богу, пугать даже и не особенно мудрящих людей. И *gros publique* [5] умней стала. А то, прежде, крикнет какой-нибудь любимый писатель: «Берегись, совесть!» — публика и ошалеет и остановится в нерешительности, словно перед городовым, готовым схватить за шиворот.

— А теперь? — подал я реплику.

— А теперь хоть горло надорвите, господа проповедники и хранители священного знамени... Ваша песенка спета... Теперь иные песни поют старики поумнее и молодые писатели с новыми взглядами и с новыми задачами... Еще неумело, но тон взят верный... А

моралистов слушать не желают... Довольно!... Если же и прочтут, то... пожмут плечами и... усмехнутся... Вот хоть бы сам граф Лев Толстой... Его сиятельство дописался до чертиков со своей правдой и совестью, а в последнее время даже нелепые вещи пишет... Пусть забавляется его сиятельство на разных диалектах... Его философия нас не переделает-с. Мы жить хотим, а не резонерствовать без толку и философствовать на тему: что было бы, если бы ничего не было? Да-с. Жить хотим в свое удовольствие и не по стариковской указке, а по своей! — воскликнул не без некоторого раздражения Щетинников, словно что-то все-таки ему мешало жить, несмотря на его бесстыдство, по своей указке.

Я молча взглядывал на это покрасневшее, красивое и наглое лицо, несомненно неглупое и энергичное; на эту статную, видную, уже выхоленную фигуру, дышавшую самоуверенностью и смелостью молодого, полного сил, наглеца, чувствующего под собою крепкую почву, и невольно вспомнил об его отце, который после смерти жены одиноко доживал свой век в маленьком заштатном го-

родке на скромную свою пенсию. Вспомнил и порадовался, что он не видит и не слышит своего сына да, вероятно, и не вполне представляет себе, что вышло из его первенца — прежнего любимца.

Старый идеалист, старавшийся прожить всю свою жизнь по совести, веривший в добро, искавший, худо ли, хорошо ли, истины и стремившийся в своем маленьком скромном деле приложить свои идеи, — как бы поникла твоя седая голова при этих речах!..

А Щетинников между тем под влиянием хмеля становился все развязнее и наглее и словно хотел поразить меня независимостью своих мнений...

— Да-с... Все вопросы нравственности, собственно говоря, заключаются в приспособлении к духу времени и в успехе... Успех покрывает все. Сделайся я в некотором роде персоной, как Проходимцев, так ваши газеты и пикнуть обо мне не посмели бы, хотя бы я нажил не два миллиона, как мой патрон, а целых пять, и хотя бы моя совесть казалась бы либеральным дятлам не чище помойной ямы... Да наделай я каких угодно, с вашей

точки зрения, пакостей... что из этого?.. Кого я побоюсь, если относительно прокурора я прав?.. Еще посвятили бы мне прочувствованные статьи... А я утром за кофе буду читать и... посмеиваться себе в бороду, пока совестливые дураки будут дожидаться меня в приемной... Ха-ха-ха! Вот вам и совесть... Однако... боюсь вас утомлять. И то, кажется, я с достаточной полнотой изложил свои взгляды! — проговорил Щетинников. — Пора туда, к старикам пойти... Ишь они разошлись, заспорили...

Он замолчал и прислушался. Из соседней комнаты явственно доносились громкие голоса.

Говорили о голоде и голодающих.

— А вы как об этом думаете?

— А мне-то что? Мне какое дело? От этого мне ни холоднее, ни теплее. Жалованье свое из правления я по-прежнему буду получать. Лепту свою я все-таки принес: триста рублей пожертвовал, вручив их одной любвеобильной старушке... Нельзя же... *Noblesse oblige*... [6] Может быть, с нею и экскурсию свершу в неурожайные губернии... Она носится с этой

мыслью... Открывать хочет столовые. Сама имела глупость пожертвовать десять тысяч на это дело... Ищет людей и обратилась ко мне... Что ж, на месяц я поеду... Это в моде нынче, да и поездка с этой яркой филантропкой может мне пригодиться. Она с большими связями, эта старуха! — прибавил, засмеявшись пьяным смехом, Щетинников и, поднявшись, прошел в соседнюю комнату, откуда все еще доносился громкий разговор.

Я расплатился и вышел из ресторана.

Этот молодой человек с его цинизмом и наглостью не выходил у меня из головы, и я думал: «Неужели таких бесшабашных много?»

Это было бы ужасно, если б не было и другой молодежи, ничего общего не имеющей с господами Щетинниковыми и которая с презрением отворачивается от этого «нового слова» бесстыдства.

Месяца через три после встречи с Щетинниковым я услышал, что он, благополучно съездив в голодающие местности, охотится за богатой невестой, немолодой уже девушкой,

Зоей Сергеевной Куницыной. Я знавал эту барышню и понял, что охота должна быть интересной. Коса нашла на камень.

IV

Зрелый девичий возраст как-то незаметно подкрался к Зое Сергеевне. Ей стукнуло тридцать лет. Ее лицо потеряло свежесть, поблекло и пожелтело, как осенний лист. Черты обострились, и в выражении подвижной физиономии появилась жесткость. В углах беспокойных блестящих глаз обозначились чуть заметные «веерки» и над бровями — морщинки. Приходилось надевать косынки и фишу, чтоб скрывать худобу прежде красивого бюста. Маленькие холеные руки в кольцах сделались костлявыми, и ямки на них исчезли. Молодые люди уже не заводили, как прежде, «интересной», полной недомолвок, болтовни, изоцряясь в остроумии, чтобы понравиться девушке, не бросали на нее красно-речивых взглядов, не возили цветов и бонбоньерок, не проигрывали на пари конфет и при встречах бывали как-то особенно почти-тельно-серьезны, стараясь при первом удобном случае дать тягу. По временам у Зои Сергеевны стали пошаливать нервы, вызывая мигрени и беспричинную хандру. В такие

дни Зоя Сергеевна нервничала и, несмотря на свою сдержанность, бывала раздражительна и зла. Она придиралась к горничной, ядовито допекала кухарку и по целым дням не говорила с татан, приводя в смущение кроткую старушку, вдову-генеральшу с седыми буклями и недоумевающим взглядом круглых глаз, которая боготворила и немного побаивалась своего единственного сокровища — «очаровательной Зизи», и говорила о ней всем не иначе как с благоговейным восторгом низшего существа к высшему.

Модный петербургский доктор по нервным болезням, курчавый брюнет лет под сорок, с умным, несколько наглым лицом и уверенными манерами, с напускной серьезностью тщательно исследовал Зою Сергеевну. Он задавал ей множество вопросов, глядя в упор своими пронизывающими, казалось насмешливо улыбающимися черными глазами, покалывал острием иглы спину, плечи, руки и ноги и с небрежным апломбом определил неврастению, осложненную малокровием. «Болезнь очень обыкновенная в Петербурге!» — прибавил он в виде утешения, пропи-

сал бром, мышьяк, посоветовал весной прокатиться в Крым, на Кавказ или за границу («куда вам будет угодно!») и, зажимая в своей пухлой волосатой руке маленький конвертик с двадцатью пятью рублями, любезно проговорил провожавшей его до прихожей генеральше:

— Никакой опасности нет... Весьма только жалею, что не в моей власти прописать вашей дочери более действительное средство! — значительно прибавил доктор, понижая голос.

В ответ старушка мать только безнадежно вздохнула.

Надо сказать правду, Зоя Сергеевна мужественно встретила свое увядание. Она поняла, что с зеркалом спорить бесполезно, и, с присущим ей тактом, стала на высоте своего нового положения. Как девушка умная и притом казавшаяся моложе своих лет, она не скрывала своей тридцать первой весны и, с рассчитанной откровенностью самолюбивого кокетства, называла себя старой девой, к ужасу генеральши, все еще считавшей Зизи «обворожительной девочкой», и к досаде многих барышень-сверстниц, все еще желавших, при помощи косметического искусства, казаться юницами, забывшими арифметику.

Она почти перестала выезжать и носить туалеты и цветы, которые могли бы обличить претензию молодиться, и стала одеваться с изящной простотой женщины, не думающей нравиться, но всегда одетой к лицу, и кокетничала скромностью костюмов. Чтобы как-нибудь убить время, Зоя Сергеевна записалась членом благотворительного общества «Копейка»; начала посещать «психологиче-

ский» дамский кружок, в котором «научно» вызывались духи и «научно» поднимались на воздух столы; принялась читать, кроме любимых ею французских романов, статьи по философии и искусству, бойко перевирая потом в разговоре философские термины; выучилась играть в винт и рассуждать, по газетам, о политике; сделалась яркой патриоткой в духе времени; бранила евреев и усиленно занялась живописью по фарфору.

В то же время Зоя Сергеевна, к вящему огорчению татап, все с большей энергией и, по-видимому, искренностью стала выражать чувства презрения к браку и к семейной жизни. То ли дело быть свободной и независимой! Еще насмешливее, чем прежде, относилась она теперь ко всяким любовным увлечениям, глумилась над «прозябанием» замужних приятельниц и над «дурами», которые еще верят в мужскую любовь, и хвалила «Крейцерову сонату». Впрочем, как девушка благовоспитанная, хвалила с оговорками. Мысль в основе верна, но, боже, что за неприличный язык! И Зоя Сергеевна, не красневшая при чтении самых скабресных француз-

ских романов, которых изящный стиль как будто заволакивал грязнейшие мысли и положения, искренно возмущалась резкими выражениями великого русского писателя.

Презрительное отношение к замужеству было любимым коньком зрелой барышни. В последние три-четыре года она так часто и много болтала на эту тему, что уверила и себя и мать, будто она в самом деле чувствует ненависть к браку. Она даже рисовалась этим, считая себя оригинальной, не похожей на других, девушкой. В самом деле, все рвутся замуж, а она не чувствует ни малейшего желания. Все влюбляются, страдают, делают глупости, а Зоя Сергеевна ничего этого знать не хочет. Она, правда, любила прежде пококетничать с мужчинами, подразнить ухаживателей, — это, во всяком случае, интересно. Но сама она была слишком холодного темперамента и чересчур рассудительна и осторожна, чтоб увлечься очертя голову. Она легко держала себя в узде и не сделала бы подобной оплошности.

Прежде, когда Зоя Сергеевна была моложе, она не прочь была от замужества и к браку не

относилась с брезгливым презрением. Она втайне лелеяла мечту покорить какого-нибудь изящного кавалера из высшего общества, с звучной фамилией и, разумеется, с большим состоянием. Эта атмосфера *grand genre'a* [7] привлекала Зою Сергеевну. И молодая девушка не раз мечтала, как он, высокий, красивый и элегантный брюнет, упадет перед ней на колени и на лучшем французском языке предложит ей руку и сердце, и как она великодушно согласится быть его женой, сперва проговоривши маленький монолог на таком же отличном французском языке. Выходило очень красиво, точь-в-точь как во французских романах. Выйдя замуж, она сумеет держать мужа в руках, стараясь ему нравиться. Для этого она достаточно умна и знает мужчин.

Но — увы! — эти мечты так и оставались мечтами. Родители Зои Сергеевны были небогатые люди. Отец ее, военный генерал, получал одно лишь жалованье. В ту пору бабушка Зои Сергеевны еще не думала оставить своей внучке трехсот тысяч наследства, — и блестящего кавалера, во вкусе молодой девушки, не

оказалось. Были, правда, два-три жениха, но ни один не представлял собой «хорошей партии» и не нравился, и она им отказывала. У одного была невозможная фамилия, другой был вульгарен, третий, наконец, — без определенного положения и ревнивый до неприличия.

— Теперь я и подавно не сделаю глупости — не выйду замуж, если б и нашелся какой-нибудь любитель старых дев и моих трехсот тысяч! — говорила Зоя Сергеевна с обычной своей усмешкой.

— А если влюбитесь? — допрашивали приятельницы.

— Я — влюбиться? Никогда.

— А если вас любят?

— Не поверю!

Она самодовольно щурила глаза. Все ее лицо озарялось торжествующим выражением, словно говорящим: «Вот я какая!»

Она щеголяла скептицизмом и не доверяла ближним. Не такая она дура, чтоб лишиться состояния, выйдя замуж за какого-нибудь охотника до чужих денег!

VI

Между тем эти триста тысяч Зои Сергеевны не давали покоя Щетинникову, и он стал обхаживать «красного зверя» с тонким искусством и хладнокровным упорством умного и осторожного охотника. Он собрал предварительно справки: действительно ли у этой зрелой барышни триста тысяч, и, убедившись, что они лежат в государственном банке, решил, что они крайне полезны для его будущей карьеры и что Зоя Сергеевна, как придаток к ним, не представляет особенных неудобств. Он познакомился, стал бывать в доме Куницыных и после тщательного наблюдения нашел даже, что Зоя Сергеевна как раз такая жена, какая ему нужна. Правда, она старше его года на два, но это не беда. Она достаточно моложава, чтоб не бросалась разница лет в глаза, и не такой уже наружности, чтобы могли сказать, что он женился исключительно из-за денег. Она, правда, не красива, но и далеко не урод. По временам, когда оживляется, она даже бывает миловидна и пикантна, эта брюнетка с черными волосами

и с насмешливыми карими глазами. В ней тогда есть что-то вызывающее. Сложена она недурно, руки и ноги маленькие и красивые. Она, правда, худа и костлява — недаром носит фишу и косынки, — раздражительна и нервна, но после замужества нервы, разумеется, пройдут, и она, вероятно, пополнеет и расцветет. Так, по крайней мере, уверяет знакомый доктор, у которого Щетинников предусмотрительно расспрашивал насчет худых, бледных и нервных зрелых девиц.

Одним словом, он оценивал внешность Зои Сергеевны во всех подробностях, с объективным хладнокровием лошадиного барышника, покупающего коня с браком, и пришел к заключению, что Зоя Сергеевна, при трехстах тысячах, достаточно удовлетворительна с супружеской точки зрения и, как женщина умная, сумеет не быть надоедливой. И самый холодный темперамент Зои Сергеевны имел, по мнению Щетинникова, свои выгоды, предотвращая семейные ссоры. Он по недавнему опыту знал неудобство иметь дело с пылкими женскими натурами и боялся их. Они только вносят неровность в отношениях,

нарушая покой.

Что же касается до прочих качеств, то они во многом отвечали его требованиям. Она умна и тактична. Самолюбие гарантирует ее от какого-нибудь ложного шага. Она отлично вымуштрована светской выучкой, приветлива и любезна, может вести разговор о чем угодно и владеет в совершенстве двумя иностранными языками. Она бойка без крайностей, практична и умеет приспособляться к людям. Одевается со вкусом и ни в каком обществе не ударит лицом в грязь. Она консервативна и прилично религиозна, в меру патриотична для порядочной женщины, знает верхушки разных наук и умеет ими пользоваться без претензии «синего чулка», — словом, такая жена не заставит покраснеть мужа, какое бы положение он ни занял.

От Щетинникова не скрылись и отрицательные стороны Зои Сергеевны. Как человек наблюдательный и серьезно изучавший назначенную им себе жену, он скоро понял, что, несмотря на экспансивность и живость ее характера, она, в сущности, себялюбивая, холодная натура и недоверчивая к людям эгоистка.

Но все эти недостатки не пугали Щетинникова. Он и сам ведь был далеко не из чувствительных натур и надеялся справиться с подобной женщиной, только бы она вышла за него замуж, поверив его привязанности.

Вот это-то и было самое трудное. И охотник и «красный зверь» — оба были ловки и способны.

Щетинников повел атаку необыкновенно тонко.

VII

В это зимнее воскресенье Щетинников встал, против обыкновения, поздно и не поехал показаться своему патрону. Было одиннадцать часов, когда он, взяв холодную ванну и окончив свой туалет, свежий и красивый, выхоленный и благоухающий, одетый в короткий утренний вестончик [8], с расшитыми туфлями на ногах, вошел в кабинет своей уютной холостой квартиры в нижнем этаже на Сергиевской улице. Окинув зорким взглядом комнату и убедившись, что все убрано как следует и все сияет чистотой, он присел к большому письменному столу с тем видом веселого довольства на лице, которое бывает у человека, находящегося в отличном расположении духа.

Письменный стол черного дерева, мягкая удобная мебель, крытая темным сафьяном, массивный шкаф, полный книг, хорошие гравюры по стенам, дорогие безделки и старинные вещи — все было не лишено вкуса и изящества в этом просторном кабинете, где весело потрескивали дрова в камине, все свиде-

тельствовало о любви хозяина к комфорту.

Тотчас же вслед за Щетинниковым появился с подносом и газетами в руках молодой, благообразный, чисто одетый лакей Антон, видимо хорошо вышколенный, и, осторожно поставив на стол стакан чая и положив газеты, почтительно-тихо осведомился:

— Хлеба прикажете?

Отрицательное движение коротко остриженной белокурой головы, и Антон исчез.

Отхлебывая чай, Щетинников стал быстро пробегать газеты. Окончив чтение, он отодвинул их не без гримасы и с веселой усмешкой промолвил:

— Ну, теперь соорудим любовное послание!

Перед тем чтобы начать, он закурил сигару, потянул носом ароматный ее дымок и, достав из красивой коробки листок плотной английской бумаги, украшенной золотой коронкой, принялся за письмо к Зое Сергеевне.

Он писал далеко не с той лихорадочной поспешностью, с какой обыкновенно пишутся любовные письма, и по временам останавливался, чтобы обдумать то или другое выра-

жение и покурить. Страничка уже была испи-
сана красивым, твердым почерком, как из пе-
редней донесся звонок.

— Прикажете принимать? — спросил по-
явившийся Антон.

— Принимать!

И он отложил в сторону начатое послание.

Через минуту в кабинет входил, лениво
покачиваясь рыхлым, полным туловищем,
франтовато одетый господин лет за сорок, с
моложавым, хотя истасканным лицом, броса-
ющимся в глаза выражением наглости и хлы-
щества. Лицо было не глупое. Маленькие ка-
рие глазки блестели улыбкой.

Это был Аркадий Дмитриевич Кокоткин,
довольно известный человек, особенно среди
постоянных посетителей театров, увесели-
тельных заведений и среди дам более или ме-
нее вольного обхождения. Он занимал видное
место, был немножко ученый, немножко ли-
тератор, немножко музыкант, друг актрис и
содержанок, замечательный нахал, говорив-
ший о чем угодно с великим апломбом, и ци-
ник, заставлявший краснеть даже самых от-
чаянных бесстыдников и бесстыдниц.

Он преуспевал, мечтая о блестящем венце своей карьеры, и имел репутацию талантливоего человека.

«А главное — перо! Что за бойкое, хлесткое перо у этого Кокоткина! О чем бы он ни писал — записку ли о разведении лесов или об уничтожении мировых учреждений, статейку ли о шансонетной певичке или исследование о домах терпимости, — везде бойкость и стиль!»

Так говорили о нем везде и похваливали. Действительно, у Кокоткина перо было не только бойкое, но и повадливое.

— Кокоткин, изобразите!

— В каком духе-с?

— В таком-то...

И Кокоткин изображал — и сделался, в некотором роде, персоной.

Тем не менее его цинизм все-таки несколько шокировал, и о нем ходило множество анекдотов. Один из последних, циркулировавших в городе и, без сомнения, выдуманый кем-нибудь из шутников, если не самим же Кокоткиным, был очень характерен.

Рассказывали, будто какой-то крупный

промышленник однажды приехал к нему на квартиру и, предлагая ему промессу в пять тысяч за хлопоты, говорил убеждающим конфиденциальным тоном:

— Поверьте, Аркадий Дмитрич, это останется между нами. Ни одна душа не будет знать...

— А я вот что вам скажу, любезнейший, — возразил на это с веселым смехом Кокоткин, — вы лучше дайте мне десять тысяч и рассказывайте кому угодно.

Анекдот гласит, что проситель опешил.

Еще бы не опешить!

Вероятно, проситель, выдавший на своем веку немало всяких людей, в первый раз увидел такого откровенного и, разумеется, исключительного бесстыдника в наше время экономии, бережливости и бескорыстия.

— А вы разве не читаете субботнего дня, Николай Николаич? — воскликнул с веселым смехом Кокоткин, пожимая приятелю своему руку. — И отчего вы сегодня не в храме божем, как подобает благонравному россиянину? Ужели за работой? Помешал?

— Нисколько. Писал письмо... Успею. Садитесь. Что нового, Аркадий Дмитрич, — вы ведь все знаете? Прикажете сигару?

— А у вас какие? Для друзей? — засмеялся Кокоткин, снимая перчатки.

— Хорошие.

— Тогда давайте.

Он грузно опустился в кресло, заложил одну ногу на другую и, закурив сигару, сделал довольную мину и продолжал крикливым, громким тенорком, пощипывая свою темную бородку:

— Сигара недурна... Очень недурна... А я ведь к вам, Николай Николаич, завернул, между прочим, за билетиками... Уважьте приятелю.

— Опять для дам?

— Ну, конечно, для дам, — захихикал Кокоткин, — для двух, знаете ли, недурненьких девочек... Хотят Москву поглядеть. Желаете, они сами явятся к вам сюда, как-нибудь вечером за билетами? Одна из них, Мария Ивановна, сложена, я вам скажу...

И, приняв вид знатока по этой части, Кокоткин вошел в невозможные подробности

насчет достоинств этой Марьи Ивановны, смакуя их с видимым наслаждением развратника.

Щетинников слушал собеседника, не разделяя его восторгов и с скрытым презрением к этому истасканному и до мозга костей развращенному виверу. Сам он не был развратником и вел более или менее правильный образ жизни, благоразумно оберегая свое здоровье и имея связи, гарантирующие его и от увлечений и от излишеств. Он недаром уважал гигиену.

— Так прислать к вам дамочек, а?

— Нет, не надо. Я пришлю билеты вам.

— А познакомиться с ними не хотите?.. Да что вы, Иосиф Прекрасный, что ли? Не любите бабы?.. Да я без нее пропал бы от скуки. Или к женитьбе себя сохраняете, ха-ха-ха! Кстати, как ваши дела с Куницыной?

— Идут помаленьку.

— На каком пункте, дружище? Срываете уже мирные поцелуи или только по части рук... До каких пор дошли: до локтя или пробавляетесь пока еще у пульсика?..

— Да полно вам врать, Аркадий Дмитрич!

— Нет, вы поймите, это важно... очень важно. Флирт флирту рознь. Ведь не влюблены же вы в эту барышню, надеюсь, а хотите, так сказать, прикарманить ее триста тысяч?... Вы ведь тоже малый не промах... ха-ха-ха!

Даже Щетинникова покорило от этих сочувственных замечаний, и он заметил:

— Просто хочу сделать выгодную партию.

— Ну это, мой друг, то же, что и я говорю, только мягче выражено. И потому надо, чтобы она втюрилась... Флирт этому способствует, особенно относительно старых дев. С ними надо действовать по-суворовски... Только смотрите, молодой мой друг, не проморгайте трехсот тысяч.

Щетинников высокомерно подумал: «Не проморгаю, она сама мне после свадьбы отдаст!» — и громко сказал:

— То есть как?

— А так... Я Зою Сергевну вашу имею честь знать. Прежде бывал у них. Она — дева не глупая и деньги бережет, а главное — холодный темперамент... Мало, знаете ли, расположения настоящего к мужчине... Это какая-то femme-homme [9]. Да смотрите, как бы, женив-

шись, вы не получили одной лишь подружки жизни... Денежек можете и не увидеть. Она умная дама, Зоя Сергевна... В таких делах надо, мой друг, быть очень осторожным... Меня в дни молодости тоже чуть было не надули...

— Как так?

— Я тоже нацелил барышню с приданным. Ну, конечно, любовь и все такое... сладкие поцелуи — она была недурна и молоденькая; я звал ее Асей, она меня — Арочкой, одним словом — идиллия... Все было готово. Назначен день свадьбы. А папенька обещал перед свадьбой в руки мне сто тысяч привезти. День проходит — нет моего папеньки. Ну я, как был во фраке, к ним в дом... Невеста уехала в церковь, а папенька собирался. Так и так, говорю, «argent comptant» [10]. Он, шельма, туда, сюда... «Будьте, говорит, спокойны, завтра получите...» — «Ну, так и я завтра буду венчаться!» — и от него домой... ха-ха-ха... Скандал... невеста без чувств, как следует, а я, как видите, до сих пор гарсоном остался, предпочитая свободную любовь... Дня через три после скандала я и подарки потребовал обратно... список составил... За что же их дарить?.. За

поцелуи?.. Так ведь за это не стоит...

Он залился смехом и заметил:

— А у вас что нового?

— Где у нас?

— Да у Проходимцева?

— Кажется, ничего.

— Ну, так я вам сообщу новость, касающуюся вашего патрона. Да разве вы, его наперсник, ничего не знаете?

— Не знаю. Что такое?

— Он получает еще два банка под свое главное наблюдение.

— Неужели? — изумленно воскликнул Щетинников.

— Кажется, что верно. Вчера вечером «мой» мне сообщил и прибавил: «Как этой каналий везет!» Удивлены и, конечно, обрадованы?

— Мне-то что?

— Ну, полно врать... Он теперь и вас устроит, дай вам бог здоровья и генеральский чин! Не забудьте и нас грешных, — смеясь, прибавил Кокоткин.

Щетинников, несмотря на свой отчаянный скептицизм, был поражен этой новостью.

— Вот что значит ум! — проговорил он, как бы отвечая на собственные мысли.

— Да, умен и кому хотите зубы заговорит!.. Да, кстати, — вдруг точно спохватился Кокоткин, — скажите-ка вашему патрону, чтобы он и мне порадел... Пусть мне место члена какого-нибудь правления устроит, чтобы жалованье и ничего не делать, а то, ей-богу, большие расходы... Одни женщины чего стоят! — добавил, смеясь, Кокоткин. — А ведь командировки не каждый же год!.. — Он помолчал и продолжал: — А если ваша шельма заартачится...

— Тогда что? — не без любопытства перебил Щетинников.

— Тогда, мой милый друг, скажите милейшему Анатолию Васильевичу, что у меня есть очень интересная статья о тмутараканском банке и о деятельности там Проходимцева... Очень пикантная и, главное, полная фактов... Или эта деликатная миссия вас затруднит? Ну, в таком случае я сам заеду на днях к Проходимцеву посоветоваться насчет статьи... Надеюсь, он разъяснит мне... превосходно разъяснит! — с хохотом проговорил Кокоткин.

— Он, кажется, печати не очень-то боится!

— Вы полагаете? Надеюсь, еще боится... Да, милейший Николай Николаич, как вы там с вашим патроном ни фыркаете на прессу, а все-таки лучше с ней быть в ладу до той поры, пока... вы понимаете? И вам советую, по-приятельски, на будущее время водить дружбу с журналистами. Однако addio... [11] Пора! Уж первый час! Мы сегодня завтракаем за городом... *Partie carree!* [12] — прибавил Кокоткин и поднялся с места.

Проводив гостя, Щетинников подумал: «И без того этот Кокоткин нахватывает с разных мест тысяч пятнадцать, а теперь будет двадцать получать. Вот как дела люди делают. Проходимцев, наверное, сделает его членом. Даже такие нахалы ценятся!»

Взволнованный только что сообщенной новостью, он быстро и нервно ходил по кабинету. Сегодня же он поедет к Проходимцеву, и тот, вероятно, сообщит ему в чем дело. Странно только, что вчера они виделись в правлении и Проходимцев ни слова не сказал.

Если слух окажется справедливым, тогда,

быть может, и его звезда поднимется, а там... кто знает? С энергиею и умом чего нельзя достигнуть?!

И Щетинников долго еще ходил по комнате, увлеченный самыми приятными мечтами, какие только могут быть в наши дни у свободного от всяких предрассудков современного молодого человека.

VIII

Часов в десять вечера Щетинников вернулся домой от Проходимцева необыкновенно веселый и радостный. Слух оказался справедливым, о чем ему и сообщил не без торжественности Анатолий Васильевич, уведя его после обеда в кабинет. Потом произошла трогательная сцена: Проходимцев обнял Щетинникова, сказал, что верит его преданности и надеется, что они будут снова вместе работать, причем наговорил ему много комплиментов.

В свою очередь и Щетинников не без волнения благодарил своего патрона, обещая до конца дней своих помнить; и так далее. Оба слишком были радостны и потому разыграли эту комедию вполонину искренно. Однако Проходимцев все-таки был правдивее: он был расположен к молодому человеку, а не только ценил в нем дельного и способного работника и умного человека, понимающего его идеи с намека. Щетинников, напротив, готов был предать своего патрона во всякую минуту, если б того потребовали его интересы. Недаром

же он говорил, что его принципы — беспринципность, а совесть — жалкое слово, пугающее только глупых людей...

Впереди ему открывались широкие горизонты. После беседы с Проходимцевым он твердо верил в свою звезду, и нервы его успокоились.

— Ну, теперь можно и послание окончить! — проговорил он, присаживаясь к столу.

Через четверть часа письмо было окончено, и он стал прочитывать его вслух:

— «Уверять, что я влюблен в вас, подобно гимназистам и юнкерам, было бы и глупо и неверно; сказать, что жизнь моя будет разбита или что-нибудь в подобном роде, что говорят обыкновенно, если встречают отказ, было бы еще глупей и маловероятней, и вы, конечно, посмеялись бы от души, Зоя Сергеевна, получив от меня подобные строки. Так позволите же мне вместо всего этого правдиво и откровенно сказать, что вы мне больше чем нравитесь, что я искренно привязан к вам и считал бы большим счастьем разделить жизнь с такой милой, изящной и умной де-

вушкой, как вы. Пишу это вам после долгих и зрелых размышлений, уверившись в своей привязанности. Надеюсь, что, при всем вашем скептицизме, вы, Зоя Сергеевна, догадывались, что меня тянуло в ваш дом не одно только сродство наших натур и сходство взглядов, не одно только удовольствие живых бесед, а нечто большее...»

«Твой триста тысяч!» — мысленно проговорил, улыбаясь, Щетинников и промолвил вслух:

— Кажется, начало ничего себе. Не очень банально, не особенно чувствительно и в ее вкусе. Эта старая дева любит оригинальность!

И, покуривая сигару, Щетинников молча продолжал пробегать продолжение своего любовного произведения, не очень длинного, но и не короткого, ловко написанного, с рассчитанной сдержанностью в выражении чувств, придававшей письму тон правдивости, — не без шутливого остроумия насчет того, что Зоя Сергеевна и он слишком большие скептики и слишком хорошо воспитаны, чтобы сделать из семейной жизни подобие каторги, и не без блестящих метафор на хоро-

шем французском языке, столь любимых Зоей Сергеевной.

— Написано недурно! — произнес молодой человек и затем снова прочел вслух следующие заключительные строки письма:

— «Мы хорошо понимаем с вами жизнь с ее требованиями, чтобы я умолчал о прозаической стороне дела, то есть о средствах. Не имея их, я, разумеется, не подумал бы о женитьбе, не веря в счастье „шалаша“. У меня пока десять тысяч содержания и дохода и, вероятно, на днях будет двенадцать, что дает возможность жить до известной степени прилично. Положение мое для моих лет хорошее, но, разумеется, оно не удовлетворяет меня, и я рассчитываю — а я редко ошибаюсь в расчетах — на блестящее положение в близком будущем и на более значительные средства, при которых мы могли бы жить вполне хорошо. Говорю обо всем этом, чтобы вы имели в виду, что я не рассчитываю на ваше состояние. Я сумею составить свое, и следовательно, вы будете пользоваться вашим, как вам будет угодно. Мне до него нет дела. Я сказал все. От вас, Зоя Сергеевна, будет зависеть решение

задачи. Подумайте хорошенько и, если вы не прочь быть моей женой, любимым другом и помощником, — ответьте: „Приезжайте“, и я приеду к вам немедленно, радостный и счастливый».

Он не спеша вложил письмо в конверт, надписал адрес и надавил под доской письменного стола пуговку от электрического звонка.

В ту же минуту в кабинет явился Антон.

— Отнести завтра утром это письмо к Куницыным. Знаете, где они живут? — проговорил Щетинников, отчеканивая слова холодным, слегка повелительным, резким тоном, каким он имел обыкновение говорить с прислугой.

— Знаю-с! — тихо и почтительно отвечал Антон, принимая письмо.

— Где?

— В Моховой-с.

— Если ответа не будет, спросите, приходит ли за ответом потом. Понял?

— Понял-с.

Антон вышел.

Щетинников поднялся с кресла, потянулся,

хрустнул своими белыми крупными пальцами и с веселой самоуверенной улыбкой промолвил:

— Эта мужененавистница, верно, будет приятно удивлена письмом и согласится, пожалуй, вкусить от брака... Я ей нравлюсь... Да и возраст критический...

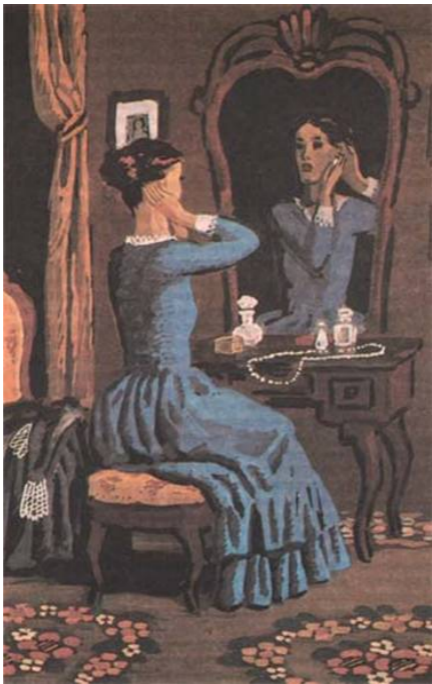
И молодой человек заходил по кабинету, улыбаясь по временам скверной, циничной усмешкой при воспоминании о своем сближении с этой недоверчивой девицей, о том, как постепенно он дошел до целования рук, с какой тонкой расчетливостью он старался возбуждать ее инстинкты и как мастерски охотился за ее состоянием.

Действительно, он охотился недурно, с цинизмом и утонченностью холодного развращенного психолога.

IX

Он начал с того, что вел с Зоей Сергеевной одни лишь «умные разговоры», беседовал о Шопенгауэре, о спиритизме и не подавал ни малейшего повода считать себя ухаживателем. Он как-то сразу стал с Зоей Сергеевной на приятельскую ногу, как добрый товарищ, сходный с ней во взглядах и вкусах. Как будто не замечая в ней женщины, он горячо беседовал с ней, давая ей тонко понять, что она замечательно умная девушка, беседовать с которой доставляет ему истинное удовольствие, — потому только он и ездит, чтоб «отвести душу». Он часто вызывал ее на спор, делая вид, что интересуется ее мнениями, и сам, в пылу спора, представляясь увлеченным, как бы в рассеянности, брал ее руку и, слегка пожимая, задерживал в своей теплой, мягкой руке, украдкой посматривая, не производит ли это пожатие того действия, на которое он рассчитывал.

Зоя Сергеевна, всегда приветливая и любезная, всегда довольная случаю поболтать, хоть и принимала Щетинникова радушно, но

сперва не доверяла ему. «К чему он часто ездит?» — спрашивала она себя и добросовестно не находила ответа. Тем не менее ей было не скучно с Щетинниковым. Он говорил

недурно, щекотал ее ум и нервы. Под конец она привыкла к молодому человеку. Его ум, хладнокровие, светская выдержка, его скептические взгляды на людей и, наконец, его вызывающее, красивое лицо — все это производило некоторое впечатление. Она стала с ним откровеннее, шутя звала его своим приятелем и под конец скучала, если он долго не приходил.

И в течение этих трех месяцев Щетинников приходил часто по вечерам. Генеральша обыкновенно сидела в гостиной, а Зоя Сергеевна, на правах старой девы, звала молодого человека в свой роскошный, уютный кабинет, где они обыкновенно проводили вечера, она — на низеньком диване, он — около, на мягком кресле, болтая о разных разностях, споря или читая какую-нибудь книгу, и расходились иногда за полночь. Она, веселая и оживленная, шла спать, а Щетинников, несколько подавленный от скуки и голодный, ехал в трактир ужинать.

Во время этих бесед Щетинников ни разу не заводил разговора о «чувстве» — этой излюбленной теме молодых людей в начале

ухаживания. Это как будто его совсем не интересовало. Не противоречил он, особенно в первое время, Зое Сергеевне, когда она называла себя «старой девой» и смеялась над товарищами, все еще стремящимися выйти замуж. Он словно пропускал эти речи мимо ушей, и это немножко раздражало Зою Сергеевну, заставляя ее слегка кокетничать и стараться быть одетой к лицу к приходу Щетинникова. Он как будто и этого не замечал и с большей, казалось, искренностью принял по отношению к Зое Сергеевне тон доброго товарища, далекого от мысли за нею ухаживать. Он чаще брал ее руки или присаживался совсем близко около нее, обдавая ее горячим дыханьем, когда она прочитывала какое-нибудь место в книге, и в то же время с самым серьезным видом продолжал «умный» разговор, взглядывая украдкой на раскрасневшееся лицо и загоравшиеся глаза девушки. Затем он садился в кресло и терпеливо выслушивал возбужденную Зою Сергеевну, рассказывавшую, какие у нее были романы. Она любила их вспоминать и изукрасить собственным воображением, являясь в них всегда героиней,

отвергавшей со смехом влюбленного героя. Он внимательно слушал, зная, что она привирает, и когда, закончив рассказ, Зоя Сергеевна говорила, что любить не умеет и ни разу никого не любила, молодой человек казался совсем равнодушным. Он лишь слегка, как светский человек, оппонировал, когда Зоя Сергеевна, словно бы вызывая на ответ, прибавляла, что теперь уж ее песенка спета, она уж не может нравиться. Это еще более подзадоривало самолюбивую девушку. Ей так хотелось, чтобы этот красивый молодой человек горячо оспаривал ее слова! И она еще тщательнее стала заниматься собой.

Так прошло месяца два с половиной. Щетинников видел, что его дела подвигаются вперед, что он нравится и что пора сделаться слегка влюбленным.

И вот однажды, когда он застал Зою Сергеевну, по случаю мигрени, с распущенными волосами, которые волной ниспадали на плечи, моложавя лицо девушки, — он с таким, казалось, восхищением, словно бы внезапно очарованный, глядел на Зою Сергеевну, приостановившись у порога, что она заалела, как

маков цвет.

— Вы что так глядите, Николай Николаевич? — прошептала она и тут же извинилась, что, на правах старой девы, позволила себе принять его в таком виде.

Щетинников как бы очнулся от своего очарования, и с его губ, точно невольно, сорвался возглас, произнесенный тихим, мягким голосом:

— Да ведь вы совсем молодая и такая...

И, словно спохватившись, он прибавил уже более спокойно, тоном светского человека:

— Такая авантажная, Зоя Сергеевна...

И с этими словами подошел поздороваться с хозяйкой.

Вся эта коротенькая сценка была разыграна с мастерством большого негодяя.

Зоя Сергеевна испытывала величайшее удовольствие от этой, показавшейся ей столь искренней, хвалы. Но это, разумеется, не помешало ей сделать изумленное лицо и, прищурив глаза, со смехом спросить:

— Комплимент старой деве? И вы думаете, я вам поверю?

— Полно, Зоя Сергеевна, вам кокетничать этой кличкой. Ведь вы сами знаете, что это вздор! — умышленно резким тоном ответил Щетинников.

— Да вы чего сердитесь?! Садитесь-ка лучше... Что вы называете вздором?

— А то, что вы хотите считать себя старухой.

— Мне тридцать один год, Николай Николаевич.

— А хоть бы тридцать два — не все ли равно? На вид вам нельзя более двадцати пяти-шести дать!.. — заметил Щетинников и тотчас же переменял разговор.

В этот вечер Зоя Сергеевна была необыкновенно оживлена и весела. Она слегка кокетничала и нередко дарила молодого человека каким-то загадочным взглядом, не то вызывающим, не то ласкающим, своих карих глаз.

«Ключнула!» — подумал, внутренне усмехавшись, Щетинников и при прощании крепко поцеловал ее руку.

— Это — новость! — промолвила, вся вспыхивая, со смехом Зоя Сергеевна.

— В чем новость?

— Прежде вы никогда не целовали моих лап...

— Я просто не замечал, что у вас такие красивые руки! — смеясь, отвечал и Щетинников. — А я, как поклонник всего изящного, люблю хорошие руки... Посмотрите, какой красивый склад кисти, какие линии пальцев...

И он взял маленькую, бледную, красивую руку Зои Сергеевны, с самым серьезным видом несколько секунд любовался ею и снова поцеловал ее долгим поцелуем.

— До завтра? — промолвила Зоя Сергеевна. — Завтра придете поболтать?..

— Постараюсь.

Но Щетинников не приходил целую неделю. Зоя Сергеевна нервничала и скучала. Наконец явился Щетинников. Он был как будто расстроен.

— Где вы пропадали? — спросила Зоя Сергеевна, видимо обрадованная гостю.

— Хандрилось что-то, — как-то многозначительно промолвил Щетинников, целуя ее руку.

— Что с вами? — участливо спросила де-

вушка.

— Да ничего особенного... Так, видно, и у нашего брата нервы... С чего бы, кажется, хандрить?.. Положение хорошее... средства есть, а вот подите: одиночество иногда дает себя знать...

И Щетинников так мягко, так задушевно, словно бы говорил с любимой сестрой, рассказывал в этот вечер о своей жизни, о блестящей будущности, которой он достигнет, о своих планах.

Зоя Сергеевна слушала с видимым интересом и, когда Щетинников окончил, спросила:

— И все-таки вы хандрите?

— Все-таки порой хандрю. Приятели говорят: жениться надо.

— А в самом деле, отчего вы не женитесь?

— Жениться нетрудно, но...

— В чем же дело? Или вас удерживает какая-нибудь старая привязанность?..

— И никакой такой привязанности нет.

— Так что же вас останавливает? Не находите достойной принцессы? — смеясь, спрашивала Зоя Сергеевна.

— То-то не нахожу, Зоя Сергеевна. Я ведь

очень требователен. У меня совершенно особенный вкус.

— Любопытно узнать какой?

«Любопытно?!» — усмехнулся про себя Щетинников и с самым искренним видом, точно поверяя свои задушевные мысли, отвечал:

— Все эти юные смазливые барышни с пустыми головками, занятые одними туалетами да глупой болтовней, не моего романа. Скучно с ними, они скоро надоедят. Да и вообще я не поклонник юниц!.. — как бы мимоходом вставил Щетинников. — Отзывчивая, изящная натура, характер, ум, такт, знание жизни, умение стать на высоте всякого положения — вот чего я ищу в женщине. Мне нужна не пустая дура, а нужен умный верный друг и помощник, с которым я говорил бы как равный с равным. К такой женщине я мог бы привязаться! — закончил Щетинников с горячностью.

Зоя Сергеевна слушала с участливым вниманием и в каком-то раздумье.

А Щетинников подумал:

«Попалась, мужененавистница!»

Приехавшие гости помешали дальнейшей

беседе в этом интимном тоне, и Щетинников скоро уехал, уверенный, что дело его в шляпе.

Обо всем этом Щетинников припоминал теперь с видом победоносного охотника. Гнусность его поведения, казалось, нимало не смущала его. Надо же было как-нибудь подъехать к этой подозрительной деве. И торжествующая улыбка играла на его красивом лице, когда он проговорил:

— Наверно выйдет замуж!

Он рано сегодня лег спать, но долго пролежал с книгою в руках.

Наконец он заснул. И ему снился дивный, обворожительный сон.

Х

Он — правая рука Проходимцева и главный контролер трех банков. Тот его любит, доверяет и осыпает щедротами с истинно русской расточительностью, не стесняющейся сорить общественными деньгами. Разные «добавочные», «путевые», разные «не в пример прочим» значительно округляют его хорошее жалованье и вознаграждают за труды. Ему кланяются и льстят. В нем ищут, и он видит себя во сне еще более солидным и серьезным, с внушительным и строгим лицом влиятельного авгура. И походка стала тверже, и голос самоуверенней, и мнения категоричнее. Только со «своим» он кроток и проникновенен — с другими, особенно с подчиненными, он холодно любезен и, при случае, нагл.

А дома? Изящно, роскошно, уютно. Дом — полная чаша. Пополневшая, похорошевшая Зоя Сергеевна, со вкусом одетая, бежит ему навстречу, когда он, усталый, приезжает домой. Глаза ее утратили прежнюю беспокойность взора и глядят мягко и нежно, словно за что-то благодарят своего молодого красивого

мужа. Еще бы! Она после замужества полюбила его со всем пылом запоздалой страсти и смотрит в глаза Никсу, угадывая малейшие его желания...

— Кстати, возьми, Никс, из банка мои деньги и помести, как найдешь удобней! — говорит она.

Деньги к деньгам! Он поместил их удобно, как помещает и свои. Он видит во сне эти пачки, эти большие пачки радужных бумажек, которые как-то незаметно текут к нему и увеличивают его капиталы. Звонок! Это, он знает, представитель одного синдиката. «Просить и никого не принимать!» Мирная, конфиденциальная беседа, обещание похлопотать у Проходимцева, устроить дело, принять даже в нем участие. И новые вклады, новый прилив денег, новая записка о каком-нибудь необходимом соглашении между банками, конечно для пользы дела... И как все это просто, как мило и деликатно даже и во сне... Сон быстро уносит годы, один, два, три, четыре, бог их знает сколько, и Щетинников во сне богат, очень богат... У него около миллиона, не считая жениных денег. С богатством жи-

вется легче... Он пользуется всеми благами жизни. Он достиг, чего только можно желать в его годы, и, кажется, счастлив... А впереди? Все впереди кажется таким светлым, манящим...

Но вдруг чудный сон омрачен видением. Что же? Разве отец не похоронен два года тому назад на маленьком кладбище захолустного городка? Разве об этом не сообщил ему какой-то приятель покойного? Зачем он здесь, в кабинете, как раз в то время, когда с ним сидят два американца, предлагающие грандиозный проект не то благодеяния, не то опустошения, — с какой точки зрения взглянуть, с объективной или субъективной. «Последняя даст крупный куш!» — думает во сне Щетинников и внимательнее следит за выкладками американцев. И вдруг перед ним это скорбное, мертвенное лицо, этот грустный упрек тусклых глаз, эти бледные губы, тихо шепчущие:

— И тебе, Коля, не стыдно? Опомнись!

И что-то похожее на робость охватывает в это мгновение Щетинникова. Чем-то детским, давно забытым веет на него, напомнив ста-

рый отцовский домик и чистые ребячьи мысли. Но прошло мгновение, и дерзкая улыбка самоуверенного наглеца снова играет на его лице, и он отвечает:

— Чего стыдиться? Перед кем стыдиться? Уходи, старик! Ты — прошлое. Я — настоящее. Ты — бессилие. Я — сила, которой на мой век хватит. Ты верил в призраки, всю жизнь кипятился, из-за чего-то убиваясь. Я верю в действительность, я счастлив и покоен и ни о чем не печалюсь. Ты думал всю жизнь о других, забывая о себе. Я думаю только о себе, не думая о других. Ступай, старик! Теперь наше время!

— Но подумай, подумай только, кого ты грабишь? Ты грабишь народ, бедный, темный народ. Он заплатит за твоих американцев, за твои записки, за твое желание угодить Проходимцеву. Подумай только, сколько горя, слез стоит твой бесстыдный эгоизм. Подумай, что о тебе скажут потом твои дети?

— Какое мне дело? Наверное, поблагодарят, что не оставил их нищими. И зачем я упущу случай? Не я, так другой. Не Щетинников, так Иванов!

— Срамник, остановись!

Видение исчезает. Щетинников поворачивается на другой бок, облегченно вздыхая, и снова приятные сновидения сменяются, одно за другим, точно в калейдоскопе.

Ему снится, что его произвели в штатские генералы (мало ли что во сне ни приснится!), и он доволен. Это, во всяком случае, ступень. Честолюбивый червяк отчасти удовлетворен. Зоя Сергеевна — она очень хотела быть генеральшей и по мужу — так нежно, так страстно целует своего милого генерала, поздравляя его, что тот несколько хмурится от этих излишней своей подруги, темперамент которой оказался не такой холодный, как он предполагал. Но нет розы без шипов. И Зоя Сергеевна умеет скрывать эти шипы и с присущим ей тактом несет свои обязанности, не надевая мужу излишней пылкостью чувств. И между ними царит потому согласие. В этот день они оба так веселы, так радостны. У них сегодня званый обед, тонкий обед; Проходимцев и разные лица, более или менее влиятельные, сидят за столом. Несколько красивых дам украшают собрание. Пьют за здоро-

вье молодого генерала, и сколько несется пожеланий! И сколько надежд в груди у Щетинникова!

И вот наконец... Даже у сонного замирает от волнения сердце... Он предчувствует, зачем к нему приехали от Проходимцева и в неурочный час зовут к нему... Он видит что-то особенное и в лице посланного, и в тех особенно почтительных поклонах, которыми его провожают лакеи в доме патрона. Он видит радостно-торжественное лицо Проходимцева и сразу понимает, что это значит... Но это так неожиданно. Ужели его назначат директором-распорядителем банка?

Проходимцев обнимает и поздравляет...

— Вы назначены... Видите, я не забыл вашей службы... Вы назначены главным директором одного из банков. Вам открывается поле самостоятельной деятельности.

Самостоятельной?.. Даже и во сне у Щетинникова нет слов. Он молчит от избытка чувств.

— Надеюсь, вы достойно оправдаете мою рекомендацию... И уж более... Вы ведь сыты теперь? — ласково прибавляет вдруг, после

паузы, плутовски улыбаясь, Проходимцев...

— Сыт, Анатолий Васильич, — нежно отвечает Щетинников, но чувствует, что в глазах его мелькают миллионы... И как теперь они легко могут прийти... Даже без риска...

— То-то... Я так и думал... У вас около миллиона, родной мой?

— Около, Анатолий Васильич.

— Ну и довольно. Не правда ли? Теперь для общества потрудитесь бескорыстно... Экономия и бережливость... Твердые принципы. Вы понимаете?..

— О, поверьте!..

Он едет домой, и кажется ему, что его кровные рысаки бегут необыкновенно тихо... Ему машет рукой Кокоткин особенно мило. Знакомые кланяются, казалось, иначе. Уж все знают... Зоя Сергеевна чуть не упала от радости в истерику и с благоговейным восторгом смотрит на Никса. Никс взволнован и за обедом плохо ест, а после обеда ходит и думает, как он подтянет свое учреждение и скольких выгонит... Пусть видят, что он не шутит. Это реклама и для него.

— Экономия и твердые принципы! — по-

второяет он и думает в то же время: «А какие теперь можно дела делать!»

Он встал на следующее утро и, словно бы уж привыкший к новому положению, заходил по кабинету величественной походкой и заговорил, чуть-чуть растягивая слова.

Он прочитывает утром хвалебные статьи в мелкой прессе и даже минутами начинает верить, что он не бесстыдник, а «неподкупная честность». А вот и Прощалыжников, старый знакомый репортер, просит интервью. Щетинников, которого давно ли этот самый репортер хотел послать на Сахалин, теперь мякнет и говорит, что он будет искать поддержки в прессе. Он сочувствует ей. Он всегда... Прощалыжников тает и уходит в телячьем восторге, получив тут же в кабинете место юрисконсульта в отделении «текущих счетов» с обязательством приходить лишь двадцатого числа за жалованьем. И на другой день Щетинников уже читает новый дифирамб, необыкновенно прочувствованный, но читает наскоро, так как спешит ехать в свой новый частный банк.

Толпа служащих уже ждет в приемной.

Тут и старики, и пожилые, и молодежь. Стоят и трепещут за свое жалованье. Скрипнула дверь, и он вышел...

И во сне он говорит речь:

— Прошу, господа, любить и жаловать... Я строг, но справедлив, и подтяну наше учреждение. Люди, не желающие работать, пусть лучше уходят, а полезные работники найдут во мне всегда покровителя и защитника. Надеюсь, я не услышу более ни о злоупотреблениях, ни о послаблениях, ни о мздоимстве. Язву эту я вырву с корнем!

И, чтобы показать, что он не шутит, он на другой день уволил десять бухгалтеров, двадцать помощников и сто двадцать конторщиков.

Опять утро. Его речь опять в печати, благодаря усердию Прощалыжникова, и в заключение хвала его энергии и решительности. Щетинников опять читает и даже во сне улыбается циничной усмешкой и сам затрудняется, как себя назвать: великим ли дельцом или просто большим прохвостом. Его правдивость одерживает победу, он называет себя прохвостом и весело смеется, переполненный сча-

ствием торжества... Ему хочется крикнуть: «Да здравствует бесстыдство!» Он вскрикивает и от собственного крика просыпается.

— Так это был сон? — говорит Щетинников, потягиваясь в кровати. — А вот он будет вещим сном! — прибавляет он, веселый и радостный, припоминая вчерашнюю беседу с Проходимцевым.

Он взглянул на часы. Был одиннадцатый час.

— Есть ли ответ от Куницыной? — тревожно проговорил он и позвонил.

Вошел Антон с письмом в руке.

Щетинников быстро вскрыл конверт и с торжествующей улыбкой прочитал: «Приезжайте».

— Сон в руку! — весело заметил он, начиная одеваться.

Примечания

как у Генриха IV (фр.).

[^^^]

2

На все руки мастер... (фр.)

[^^^]

происшествиями (фр.).

[^^^]

4

Здесь промедлений затруднений (ит.).

[^^^]

широкая публика (фр.).

[^^^]

6

Положение обязывает... (фр.)

[^^^]

Здесь: высшего общества (фр.).

[^^^]

8

пиджачок (от фр. veston — пиджак).

[^^^]

9

мужеподобная женщина (фр.).

[^^^]

10

наличные деньги (фр.).

[^^^]

прощайте... (ит.)

[^^^]

Двумя парами! (фр.)

[^^^]